КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го Іюля № 14. 1863 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

ДВѢ РѢЧИ, ГОВОРЕННЫЯ ІОАННОМЪ ЛЕВАНДОЮ НА СВОЕЙ СВАДЬБѢ. (*)

I.

Умирающаго Іакова одръ двѣнадцать окружали сыновей, которымъ онъ таковіи жъ 12-ть благословеній роздалъ, какія Богъ ему тогда на сердце положилъ. Далъ онъ одному зъ солью хлѣбъ, другому мечь и силу, третому третое свое благословеніе оставилъ; а что умирая Іаковъ дѣтямъ говорилъ, то самое дѣлалъ Богъ надъ его

(*) Помѣщаемыя здѣсь рѣчи знаменитаго нашего проповѣдника, протоіерея Іоанна Леванды не вошли въ собраніе словъ и рѣчей его. Мы отыскали ихъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ конца прошлаго столѣтія и помѣщаемъ здѣсь не ради одной оригинальности ихъ содержанія, но и потому, что эти рѣчи представляютъ первые опыты ораторскаго искусства Леванды. Въ нихъ видны задатки могучаго и самобытнаго таланта, которымъ Леванда составилъ себѣ въ послѣдствіи громкую из-

дѣтми исполнилъ. Я къ умирающему моему отцу на благословеніе не наспѣшился, а у глухой его могилы не выпрошу я ничего, хотя бы я слезами ее облилъ. Такъ не отказалъ ли онъ мнѣ чего, когда ложился во гробъ, предвидя случай, который нынѣ постигаетъ меня? Я знаю, что золота для меня не было у него; такъ не оставилъ ли онъ мнѣ сея драгости, которую благословеніемъ зовутъ? Ежели онъ сіе сокровище въ твои руки отдалъ, то или мнѣ совсѣмъ его отдай, или я безъ него не начну ничего.

II.

Не съ тѣмъ я щастіемъ родился, чтобы тогда мнѣ имѣть отца, когда мнѣ его надобно. Купилъ бы я нынѣ жизнь его, ежели не деньгами, то слезами, но не продаетъ никто. Сокрушенное сердце и живая вѣра есть такая предъ Богомъ монета, за которую отдаетъ Онъ все; но мое сердце какъ бы нынѣ ни сокрушалось, а вѣра какъ бы ни взалкала воскресенія мертвыхъ, много сего для меня; не вижу я нынѣ тѣхъ святыхъ чудотворцевъ, которымъ власть сію, чтобъ мертвыхъ воскрешать, далъ предводи-

---

вѣстность. Языкъ еще тягучъ, не выработанъ, но обороты столько же смѣлые, сколько и оригинальные, картины, сравненія и уподобленія отличаются свѣжестію, самобытностію и особенною близостію къ умопредставленію юнаго оратора и окружающей его среды. Раскрытіе предмета и его изложеніе далеки отъ схоластическихъ пріемовъ того времени, рѣчь чужда общихъ избитыхъ мѣстъ и школьной фразеологіи. Теплота и игривость чувства проникаетъ обѣ рѣчи и сообщаетъ имъ особенную пріятность. Но что особенно бросается въ глаза въ этихъ рѣчахъ, такъ это случай, по которому онѣ произнесены: Леванда говоритъ рѣчи на собственной свадьбѣ. Не знаемъ, былъ ли этотъ обычай тогда въ ходу, или это особенность Леванды. Какъ бы то ни было, это обстоятельство напоминаетъ намъ другой обычай древней христіанской церкви, по которому при гробахъ умершихъ произносимы были рѣчи ближайшими родственниками покойниковъ. Вторая изъ представленныхъ здѣсь рѣчей произнесена, очевидно, въ церкви; первая, кажется, обращена была къ посаженому отцу, а можетъ быть и къ священнику—предъ началомъ бракосочетанія.

тель ихъ Христосъ. Я бъ нынѣ ноги имъ облобызалъ, чтобъ они или совокупно пошли всѣ, или послали со мною одного на гробъ отца моего, чтобъ онъ разсыпавшуюся уже пыль во едино собралъ и возвратилъ душу, которая опознала бъ плачущаго предъ собою сына, но чудотворцы сіи сего дни на небѣ, когда мнѣ на земли ихъ надобно. Не далеко мене въ семъ случаи Іерусалимъ, бѣжалъ бы я туда, какъ на источники водные елень, чтобъ мнѣ тамъ Іисуса моего застать и съ тѣмъ на гробъ отца моего звать, чтобъ онъ разсыпавшіеся его кости во едино собралъ и что Лазарю, то ему сказалъ: гряди вонъ, уничтоженная персть, и благослови того, который жаждетъ благословенія твоего; но трудъ мой будетъ всуе. Іисусъ мой давно вознесся на небеса, а хотя и пообѣщался до скончанія вѣка тамъ быть, гдѣ два или три собрано во имя Его, однако для мене, вѣрую и уповаю, что сотворитъ онъ другіе милости, а разорять законъ естества, и изъ утробы земли, какъ изъ чрева китова Іону, отца моего возвращать не будетъ; будетъ сіе тогда, когда положивый дни и лѣта во власти своей предоставилъ тому быть, а не въ сію минуту, не для прозбъ моихъ. Не я, не я желаю сего, но тая жалость, которая нечувствительно вселяется въ сердце мое; не я, не я желаю сего, но требуетъ дѣло, которое съ его благословенія совершалось бы вожделѣнно. Но вотще отворять тіи очи, которые закрыла смерть, вотще двигать для благословенія тую руку, которая приняла уже на себе черный земли видъ. Прости, прости отецъ! прости вещь, когда мнѣ осталось только одно имя. Вижу я отца моего въ тебѣ, а чтобъ сего дни увидѣть, такъ было въ провидѣніи Божіи, которое сиротъ беретъ въ свое покровительство и по путямъ жизни ведучи, разныхъ опредѣляетъ имъ то наставниковъ, то отцевъ. Такъ было въ судьбахъ, которые непостижимы: что на небѣ пишутъ, то нельзя перечернить на земли никому. Благословижъ мене тѣмъ благословеніемъ, которымъ не успѣлъ благословить мене родившій мене, благослови дѣло, котораго, если ты не схочешь благословить, откажется и Богъ: благослови, чтобы отъ олтарей, къ которымъ съ

симъ товарищемъ гряду, возвратился съ многолѣтствіемъ, благоденствіемъ и тою надеждою, чтобы намъ послѣ сего не отказано отъ агнчаго брака. Вотъ же мнѣ первый благословенія вашего плодъ, что къ алтарямъ пошелъ съ желающимъ, а оттуда возвращаюсь съ получающимъ сердцемъ: пошелъ я отъ васъ, а возвращаюсь къ родителямъ, пошелъ съ чужимъ, а возвращаюсь съ своимъ, пошелъ съ любовію, а возвращаюсь съ Божіимъ благословеніемъ. Такъ мы предъ свидѣтелемъ тріипостаснымъ Богомъ клялись на всемъ томъ, безъ чего влюбленное сердце какъ безъ лучшей своей пищи должно умирать, а Богъ устами строителя таинъ своихъ къ намъ и предстоящему народу говорилъ: еже Богъ сочета, не разлучай человѣкъ. Вяжетъ любовь сердца; но гнилой онія союзъ безъ Божія благословенія. Согласіе признаю я за такую матерію, которая весьма тѣсно спаиваетъ сердца; но сіе тогда крѣпко, когда сіе тайное естества вдохновеніе имѣетъ покровителемъ Бога благословляющаго, что есть законное. Узолъ супружескаго единомыслія ничего, кромѣ смерти зубовъ, не боится; однако Богъ, въ котораго десницѣ долгота дней, и сей страхъ облегчаетъ тѣмъ, что напитавши благословеннія сердца временнымъ благоденствіемъ, когда они наскучатъ надъ однимъ, хочетъ дать имъ другое и блаженнѣйшее,—радостную вѣчность, въ которую отверсты двери такой Ревекѣ, что за своимъ Ісаакомъ грядетъ, а особливо когда Ревеккѣ будетъ предводительствовать Сарра, а Ісааку Авраамъ. Всѣ дѣла, а слѣдовательно и супружество ежели безъ Бога начаты и безъ его святой воли продолжаются, подобны клѣточкамъ, которыя ребятишки зиждутъ на пескѣ: ихъ ежели кто не опрокинетъ, то скоро разваливаются сами собою; а посему что сынъ матери своей церкви дѣлаю зъ отцемъ моимъ Богомъ, нѣтъ опасенія, нѣтъ печали, для того, что кто нападеніе въ семъ случаѣ учинилъ бы на мене, учинитъ онъ заразомъ нападеніе и на Бога, благословившаго дѣло мое. Теперь я выключаюсь изъ числа сиротъ для того, что начинаю имѣть родителей, теперь жизнь моя не моя, но наша. Всѣ доходы, между которыми можетъ случиться и счастіе и не

счастіе, на двѣ части должны быть раздѣлены: одну возьму я, до другой мнѣ дѣла нѣтъ, она принадлежитъ товарищу моему, для того что невѣста, пріемшая власть отъ небеснаго своего жениха, святая церковь велѣла намъ быть супругами. Такъ сіе золотое супружества иго не на моей только шіи; тѣнь за тѣломъ, а сія спутница клялась послѣдовать мнѣ во всю жизни своея дорогу до предѣла, которой называется гробъ. Я только желаю; не такъ сказалъ, мы только желаемъ, чтобъ туда проводило насъ ваше благословеніе, а если сіе будетъ, будетъ и то, что Богъ во всѣхъ нашихъ путяхъ будетъ намъ предтечею. Путешествіе наше намъ не наскучитъ. Предтеча нашъ и стежки и дорожки знаетъ всѣ, знаетъ онъ и темныя мѣста, гдѣ опасно зъ сѣтьми для ловли садиться. Знаетъ Онъ, какими припаситъ насъ сухарами, и въ которыхъ источникахъ для утоленія жажды нашей здоровая вода; ежели на сей дорогѣ оставитъ онъ насъ, то сіе здѣлаетъ по примѣру матери, которая дѣтище для того будто оставляетъ, чтобъ видѣть, съ какимъ оно усердіемъ будетъ прилѣпляться къ ней, а плачущаго дая волку никогда не пускаетъ изъ рукъ, такъ что постникъ сей въ надеждѣ сей хорошей пищи долго подъ окошкомъ стоя принужденъ изъ голоду умирать. Намъ съ Богомъ предводителемъ быть у своей межи не худая надежда. Вы, народъ Божій, свидѣтели клятвъ, которыми мы предъ Богомъ клялись, будьте мнѣ духовнымъ, а я исповѣдую вамъ, что сего дни предъ вашими очима ни сдѣлалъ. Здѣлалъ я сіе потому, что приговоръ, которіе пишутся обо мнѣ на небѣ, такъ перемѣнить не умѣю, какъ не умѣете вы перемѣнить тѣхъ, которіе тамъ же пишутся про васъ. Свѣтъ сей долгое время безъ васъ и мене стоялъ, а порчи въ немъ отъ того непослѣдовало никакой, но еще васъ и мене на свѣтѣ не было, а уже Богъ глядѣлъ на день сей, въ который собраніемъ своимъ проводите вы мене. Надобно ли жъ было быть сему или нѣтъ, отгадай, кто часто на небо для посѣщенія ходитъ и дѣла тамошнего суда знаетъ, а я стряпчимъ въ томъ приказѣ никогда не бывалъ и подлинно незнаю. Мнѣ только кажется, что ежели дружба сія не грѣхъ,

такъ и я невиноватъ, для того что и самія жизни человѣческой дѣла, не только всѣ подъ вѣдомствомъ провидѣнія Божія состоять, но оттуду и начало свое пріемлютъ. Свѣтъ сей такая площадь, на которой всякое временное добро, всѣ статьи власно какъ яблоки Богъ разсыпалъ, а мы дѣти его сбираемъ, что кому нравится, такъ за чтожъ бы намъ тутъ наказаніе, развѣ за то, когда за сими яблоками и того забудемъ, кто оними насъ кормитъ. Хотя кто въ супружество вступаетъ нѣсколько похожъ на того дитину, который въ зажмурки играетъ; однако какъ очи его въ семъ случаи незавязаны, такъ и въ руки всегда достается то, что представитъ Богъ. Я о своей находки ничего вамъ не скажу, а и васъ угадывать не прошу до тѣхъ поръ, покамѣсть не найдете своей, которой съ одной стороны должны будете заглянуть въ глаза. Особливо, что о семъ разсуждать найздаровѣйше тогда, когда и зъ другой жизни смотритъ на свою временную человѣкъ. Жизнь сію давно комедіею зовутъ! съиграймо жъ мы свою совсѣмъ комедно, и тогда скажемъ, каково мы ее играли, а о семъ не на семъ свѣтѣ, но въ царствіи мертвыхъ разговорують. Каково по морю плавалось, найлучше разсуждаетъ тотъ, кто въ пристанище достигъ: такъ вы такіе жъ, какъ и я, житейскаго моря плаватели, всякъ свое судно въ пристань окормляй, а каковъ кому путь, потерпи, тогда скажешь, какъ самъ пагубныя мѣста пройдешь. Да оними путями и всѣ на одну ярманку съидемся. Дай только вседающій Боже, чтобъ торгъ свой отправили мы въ небѣ.

Старая пословица:

Добръ тотъ человѣкъ, кто поитъ да кормитъ, а и тотъ не худой, кто хлѣбъ соль помнитъ.

Со лжи люди не мрутъ, а впредь имъ вѣри неймутъ.

ОБУЧЕНІЕ ЗАКОНУ БОЖІЮ ВЪ СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

Письмо 9-е къ сельскому учителю—священнику.

Что скажемъ дѣтямъ, когда подведемъ ихъ ко второй скрижали закона Божія? Скажемъ имъ такъ: вотъ та вторая главная заповѣдь, о которой сказалъ Господь, что она *подобна* первой. Почему подобна? Потому что заповѣдаетъ любовь же, именно любовь къ ближнимъ, которыхъ любить должно для Бога Отца нашего всеобщаго.

Любить ближнихъ учитъ насъ сама природа наша и какъ бы говоритъ она въ насъ такъ: „чего желаешь себѣ, желай и дѣлай другому; а чего себѣ не желаешь, не дѣлай и другому." По этому, спросимъ, нужно ли и объяснять, въ чемъ должна состоять любовь къ ближнимъ?—Видно, нужно, когда самъ Богъ положилъ объясненіе сей любви въ своемъ законѣ, и притомъ—въ цѣлыхъ шести заповѣдяхъ. Почему это такъ? Спросимъ еще дѣтей. Конечно, потому, что люди часто погрѣшаютъ въ своихъ поступкахъ противъ этой любви. Наприм. какъ погрѣшаютъ? Думаю, указать на примѣръ грѣховъ противъ 2-й скрижали не затруднятся и малыя дѣти. Такъ, противно любви къ ближнему поступилъ первый братоубійца Каинъ, противно заповѣди о почитаніи родителей—Хамъ... Нѣтъ, однако, нужды—требовать, чтобъ дѣти сказывали намъ примѣры грѣховъ противъ каждой изъ заповѣдей. Желательно, чтобъ они даже не знали и названія нѣкоторыхъ грѣховъ. Какъ же объяснить имъ заповѣди 2-й скрижали?

На нѣкоторыхъ заповѣдяхъ будемъ останавливаться болѣе, на другихъ менѣе, одну объяснять примѣрами и добродѣтелей и грѣховъ, другую примѣрами однѣхъ до-

бродѣтелей, одну подробнѣе, такъ, чтобъ можно было видѣть и добрыя послѣдствія исполненія заповѣди, и различное зло, происходящее отъ ея нарушенія, другую въ болѣе общихъ чертахъ. Тѣ заповѣди должны быть болѣе раскрываемы, противъ которыхъ всего чаще погрѣшаютъ дѣти, или которыхъ нарушеніе чаще видятъ они въ примѣрахъ, слишкомъ явныхъ въ нашемъ народѣ.

Первая заповѣдь на 2-й скрижали о почитаніи родителей, и она изложена въ законѣ Божіи съ особенною силою; ибо указываетъ и на благія послѣдствія для соблюдающихъ ее, тоесть, на благополучіе и долгоденствіе ихъ. Она прямѣе всего обращена къ дѣтямъ. ***Чти***, сказано, не только люби отца и матерь. Смотрите, дѣти, скажемъ, какъ важна эта заповѣдь. Вотъ самъ Творецъ всеблагій и всемогущій тотъ, кто есть всѣмъ Отецъ и Попечитель, Онъ, даровавшій васъ родителямъ и вамъ даровавшій родителей, даетъ имъ право свое на ваше почтеніе и послушаніе. Въ родителяхъ вы прежде всего должны почтить святую волю Божію. Чрезъ нихъ далъ Богъ вамъ жизнь, чрезъ нихъ сохраняетъ ее; отъ нихъ получаете вы и первыя познанія о Немъ, совершеннѣйшемъ Отцѣ нашемъ; они, по возможности, стараются передать вамъ и все доброе, что сами получили отъ Господа. Мало сего. Господь, за послушаніе родителямъ, обѣщаетъ намъ и всѣ блага, какія только Онъ, всемогущій и преблагій, даровать можетъ. „Благо тебѣ будетъ, говоритъ Онъ, и долголѣтенъ будеши на земли." Никто столько не заслуживаетъ благъ отъ Бога, никто такъ не достоинъ и долговременной жизни, какъ сынъ почтительный и послушный. Отъ него можно ожидать всего добраго: онъ будетъ почтительнымъ и послушнымъ всякому законному начальству, будетъ добрымъ гражданиномъ, вѣрнѣйшимъ подданнымъ Царю и отечеству, будетъ и лучшимъ сыномъ церкви, благочестивымъ и благолюбивымъ. Здѣсь-то всего приличнѣе указать и на величайшее зло, какое производятъ и какому сами себя подвергаютъ преступники 5-й заповѣди. Отчего, спросимъ, нѣкоторые дѣлаются разбойниками, убійцами, клятвопреступниками, піяницами,—вообще людьми злыми и разврат-

ными? Начало всякаго подобнаго зла положено, большею частію, въ дѣтствѣ—въ упрямствѣ, въ непослушаніи, въ презрѣніи родительскихъ наставленій, въ своеволіи и укрывательствѣ своихъ дурныхъ поступковъ предъ родителями. „Благо тебѣ будетъ," сказано сыну послушному: а непослушному должно сказать: „зло тебѣ и зло отъ тебя другимъ будетъ, и не дастъ Богъ, чтобъ ты былъ долговѣченъ!" Показавъ изъ примѣровъ древнихъ, какъ благословенія Божіи почивали на благочестивыхъ сынахъ, подражавшихъ благочестивымъ родителямъ, на прим. на Симѣ и Іафетѣ, на Исаакѣ, Іаковѣ, Іосифѣ, и проч., покажемъ и то, какъ цѣлыя государства, когда были благопокорны отцамъ своимъ, то есть, царямъ, процвѣтали и славились многіе вѣки, а мятежныя и непокорныя законной власти и другимъ наносили бѣдствія и сами скоро падали и гибли. Очень прилично при семъ и весьма нужно съ юныхъ лѣтъ внушать дѣтямъ нашимъ царелюбивый духъ отечественный, глубочайшее уваженіе и всецѣлую любовь къ Государю и отечеству. И трудно ли это? Объяснимъ имъ, какое великое и священное лице нашъ православный Государь, верховный защитникъ истинной церкви, великій Помазанникъ Божій, и сколько обязана Россія Благочестивѣйшимъ царямъ своимъ отъ начала христіанской вѣры въ нашемъ отечествѣ до нынѣ, когда царствующій благолюбивѣйшій государь даетъ, можно сказать, новую жизнь всему народу, и изливаетъ на всѣ сословія все новыя и новыя милости. Подобнымъ образомъ будемъ возбуждать въ дѣтяхъ любовь и уваженіе къ духовнымъ пастырямъ и всѣмъ другимъ благодѣтелямъ и отцамъ нашимъ, чтобы повиновеніе имъ было, какъ говоритъ Апостолъ, не только *за гнѣвъ* (по страху), *но и за совѣсть* (по сознанію важности и благотворности власти (Римл. 13, 5). Вообще нужно научать дѣтей, чтобъ они почтительно обходились со всѣми старшими, не смѣли называть не только старшихъ, но и никого полуименами, и буквально исполняли заповѣдь Божію: *предъ лицемъ сѣдаго востани, и почти лице старче*.

Слѣдуютъ заповѣди, которыя, кажется, требуютъ са-

маго краткаго объясненія.—Шестая заповѣдь говоритъ: „не убій." Кому не извѣстенъ смыслъ этой заповѣди? Не ближе ли всего она къ нашей природѣ и разуму, которые заповѣдуютъ желать тогоже и тоже дѣлать ближнему, чего желаемъ и что дѣлаемъ для самихъ себя, т. е. сохранять прежде всего здоровье и жизнь? Но, по ученію Іисуса Христа, необходимо показать грѣхъ противъ шестой заповѣди въ самомъ корнѣ его, какъ зачинается и кроется онъ глубоко и незамѣтно въ душѣ человѣка, сначала въ нерасположенности, потомъ и враждебныхъ чувствахъ къ ближнему; а за тѣмъ обнаруживается въ словахъ и дѣлахъ. Извѣстно, какъ Господь сравниваетъ самыя слова бранныя съ убійствомъ (Матѳ. 5, 22). И такъ скажемъ: вотъ и брань *рака (пустой* человѣкъ), по ученію Христову, стоитъ суда уголовнаго: чего же стоютъ употребляемыя въ нашемъ народѣ тѣ мерзкія, поносныя слова, въ которыхъ постыдно поносится честь не только ненавидимаго ближняго, но и его родителей? Ничего нѣтъ отвратительнѣе этой простонародной (слышимой впрочемъ не рѣдко и въ другихъ сословіяхъ) русской брани, которая только въ печати не показывается, а оглашаетъ весьма часто наши улицы и площади. Эту-то брань, это *скверпословіе и буесловіе* нужно отвратить отъ дѣтей. Это по преимуществу, *слово гнило* (Еф. 4, 29), которое всего болѣе показываетъ гнилость человѣка внутреннюю, и эта гнилость ужасно заразительна. Какъ бы сдѣлать, чтобъ народъ нашъ самъ созналъ вредъ и мерзость этой брани и возненавидѣлъ ее? Справедливо было бы, еслибъ народъ общимъ приговоромъ воспретилъ ее всѣмъ... Будемъ увѣрены, что дотолѣ мы небезопасны и отъ важнѣйшихъ преступленій противъ 6-й заповѣди, пока народъ отъ самаго дѣтства не научится почтительному обращенію со всякимъ ближнимъ, обращенію въ самыхъ словахъ, дружелюбному, мирному, честному. Въ этомъ-то, скажемъ, и состоитъ главное отличіе поведенія христіанскаго, какъ учитъ насъ апостолъ Павелъ: *бывайте другъ ко другу блази, милосерди, прощающе другъ другу, якоже и Христосъ простилъ есть намъ. Всяка горесть, и гнѣвъ, и ярость, и кличь,*

и хула, да возмется отъ васъ со всякою злобою (Еф. 4, 31. 32).

Какъ объяснимъ 7-ю заповѣдь? Грѣхи противъ нея таковы, что апостолъ запрещаетъ христіанамъ и именовать такія мерзости (Ефес. 5, 3). Какъ именовать ихъ предъ дѣтьми? И однако, если кого, то дѣтей нужно предостерегать отъ грѣховъ столь злотворныхъ и унизительныхъ для человѣчества. Я полагаю, что раскрытіе вреда и низости этихъ грѣховъ хотя не должно быть подробно, но не должно быть и кратко.—Спросимъ, какая это *любы* (любовь) запрещается подъ именемъ *прелюбы* (прелюбодѣйство)? Самое слово показываетъ, что это *преступная* любовь, т. е. беззаконная, какая наприм. бываетъ у невѣрныхъ другъ другу супруговъ, когда они обращаютъ супружескую любовь къ другимъ. Есть любовь законная и есть беззаконная. Между мужемъ и жёною самъ Богъ, еще въ раю, благословилъ любовь супружескую. Онъ же нынѣ благословляетъ эту любовь посредствомъ родителей и св. церкви. Вотъ, скажемъ, такая только любовь, благословенная Господомъ, законна, чиста, свята; она и благотворна для человѣчества, служитъ душею, животворнымъ началомъ семействъ и всего общежитія. Но все чистое и святое люди могутъ употреблять во зло и такимъ образомъ превращать въ грѣхъ и погибель себѣ и другимъ. Такова особенно любовь мужа и жены, когда она отвергаетъ благословеніе Божіе и дѣлается преступною (прелюбы). Какъ много зла отъ такой любви въ семействахъ! Какой ядъ разливаетъ она на всю общественную жизнь! Довольно вспомнить нечистыя связи людей допотопныхъ, доведшія весь міръ до казни всемірной. Берегитесь же, замѣтимъ дѣтямъ, всего, что похоже на такую нечистую любовь и всего, что можетъ располагать къ ней, возбуждать ее. Должно любить всѣхъ, но надобно, чтобъ любовь наша была чиста, безкорыстна, и соединена съ уваженіемъ ко всякому, не была бы игрушкою или забавою и не оскорбляла бы добрыхъ чувствъ ближняго. Должна быть любовь и между мужемъ и женою, только въ свое время и съ благословеніемъ св. церкви,

безукоризнена предъ Богомъ всевидящимъ и предъ людьми честными. Такъ или подобнымъ этому образомъ будемъ отвращать дѣтей отъ всѣхъ грѣховъ противъ 7-й заповѣди. Не думаю впрочемъ, чтобъ этого было достаточно. Худое содружество, худые примѣры могутъ низвратить въ дѣтяхъ все доброе, обезсилить всѣ наставленія. Что остается намъ? Будемъ требовать отъ нашихъ дѣтей, будемъ именемъ Божіимъ заклинать ихъ, чтобъ они ничего не утаивали отъ насъ на исповѣди; притомъ оказывая самую отеческую снисходительность и ласковость, здѣсь, на исповѣди, предъ крестомъ и ликомъ Спасителя, божественнаго друга дѣтей, будемъ внушать имъ чистоту нравовъ, цѣломудріе и благопристойное поведеніе.

Такой же духъ любви отеческой да руководитъ насъ въ объясненіи и всѣхъ другихъ заповѣдей Божіихъ.

МНѢНІЕ АББАТА ГЕТЕ О ПРИЧЕТНИКАХЪ.

Въ № 27-мъ парижскаго журнала „L'Union Chrétienne“ помѣщена слѣдующая замѣтка о причетникахъ, принадлежащая бывшему аббату, а нынѣ православному священнику Владиміру Гете:

Любезный и достоуважаемый корреспондентъ!

Я обѣщалъ вамъ сообщить нѣкоторыя подробности въ защиту вашего мнѣнія о сохраненіи причетниковъ въ русской церкви. Я вполнѣ увѣренъ, что никто, въ этой досточтимой церкви, даже не подумалъ бы ихъ вытѣснять, если бы всѣмъ была извѣстна жалкая обстановка, при совершеніи богослуженія въ западныхъ церквахъ, съ тѣхъ поръ какъ настоящіе клирики въ нихъ замѣнены были *дѣтьми хора* (enfants de choeur) и *пѣвцами*, или другими лицами изъ міранъ.

Я не намѣренъ говорить вамъ о церквахъ, находящихся въ исключительномъ положеніи, каковы наприм., церкви парижскія, въ которыхъ богослуженіе совершается съ большимъ великолѣпіемъ, благодаря театральнымъ артистамъ— мужчинамъ и женщинамъ, которые очаровываютъ своихъ слушателей, любителей музыки, своими мелодіями и руладами. Онѣ имѣютъ школы, въ которыхъ *дѣти хора* научаются граціозно дѣлать *реверансъ* и пѣть пронзительно нѣкоторые отрывки. Въ провинціальныхъ каѳедральныхъ церквахъ воспитанники семинарій исполняютъ обязанности діаконовъ и клириковъ. Объ этихъ церквахъ мы ничего не скажемъ болѣе. Дѣло идетъ о такихъ церквахъ, въ которыхъ обязанности низшаго клира исполняются не священниками и не семинаристами, т. е., о церквахъ епар-

хіальныхъ городовъ, не имѣющихъ титла каѳедральныхъ, и другихъ большихъ или малыхъ городовъ и селъ, т. е., почти о всѣхъ церквахъ.

Въ этихъ церквахъ богослуженіе совершается, не скажу только не канонически, но съ *смѣшными пріемами.* Увѣряю васъ, что это выраженіе—не преувеличеніе.

Вокругъ священника, при алтарѣ, вы видите нѣсколько дѣтей, облеченныхъ въ костюмы болѣе или менѣе годные, болѣе или менѣе приличные. Красная сутана, красный поясъ, красная шапочка, нѣчто въ родѣ бѣлой туники, называемой *ризой* (aube), которая рѣдко блеститъ своей бѣлизною—вотъ костюмъ наиболѣе принятый. Подъ этимъ костюмомъ скрывается маленькій крестьянинъ, сынъ какого нибудь бѣднаго работника; иногда такіе служители бываютъ и годны, но большею частію они отличаются своею негодностію. Эти мальчики (обезьяны—marmots), ознакомившись съ раннихъ лѣтъ съ священными вещами, повторяютъ латинскія слова, которыхъ они не понимаютъ, шалятъ, смѣются, играютъ при богослуженіи, котораго смыслъ далекъ отъ ихъ пониманія. Они не больше оказываютъ уваженія Богу, какъ и своему м-сьё le curè (настоятелю). Съ малыхъ лѣтъ привыкши приближаться къ алтарю и обращаться съ священными вещами, они становятся недоступными для всякаго религіознаго чувства и составляютъ категорію самыхъ дурныхъ дѣтей въ природѣ.

Между тѣмъ какъ эти мармотки исполняютъ обязанности клириковъ при священникѣ, совершающемъ богослуженіе,—пѣніе исполняется мірянами, которые большею частію въ приходѣ отличаются своею лѣностію и пьянствомъ,—пороками, которые болѣе всего удерживаютъ ихъ въ этомъ служеніи. Они приступаютъ къ пюпитру, скорѣе закутанные, нежели одѣтые въ церковныя одежды, которыя они носятъ такъ, что нѣтъ никакой возможности представить. Счастливъ настоятель, если эти пѣвцы являются въ церковь не пьяными. Приступивши къ пюпитру, они воютъ, или мяукаютъ, смотря по свойству голосовъ: но вы навѣрное можете утверждать, что они не поютъ. Они едва знакомы съ первыми началами религіозной музыки,

называемой *хораломъ* (plait—chant), и подъ видомъ пѣнія по-латини, они выговариваютъ невѣроятныя слова, которыя никогда не принадлежали никакому человѣческому языку.

Въ главѣ хора (извините за громкое слово, такъ неумѣстное въ этомъ случаѣ) стоитъ школьный учитель, облеченный титломъ общиннаго наставника. Онъ вообще презираетъ пѣть своимъ голосомъ, развѣ ужъ когда онъ единственный пѣвецъ, какъ это бываетъ въ бѣднѣйшихъ; а когда церковь довольно богата и въ состояніи нанять другаго пѣвца,—школьный учитель изъ всѣхъ легкихъ дуетъ въ *офиклеидъ*, и это называютъ—исполненіемъ музыки. Школьные учители, пѣвцы, дѣти хора получаютъ плату отъ приходскихъ старостъ церковныхъ. Согласитесь, что деньги съ пользою употреблены!

Представляя вамъ эти черты, я долженъ былъ имѣть крайнюю осторожность и умѣренность. Если бы я изобразилъ точную картину персонажей, замѣняющихъ клириковъ въ западныхъ церквахъ, то всѣ, не знающіе лично этихъ вещей, не дали бы никакой вѣры моимъ словамъ; меня обвинили бы въ преувеличеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, что сказать о швейцарахъ, сторожахъ, ризничихъ? Ничего другаго, какъ только, что они составляютъ самый низкій классъ общества. Вы безъ труда составите объ нихъ понятіе, если я скажу вамъ, что эти лица избираются только изъ такихъ людей, которые не имѣютъ никакого занятія для прокормленія себя, которые, зная даже какое нибудь ремесло, неспособны исполнять достаточно работъ, или которые вовсе не имѣютъ охоты къ труду.

Нѣкоторые настоятели, желая совершить богослуженіе съ большимъ великолѣпіемъ, заставляютъ міринъ облачаться въ діаконскія одежды и содѣйствовать имъ при алтарѣ.

Нельзя выразить, сколько изъ этихъ обычаевъ произошло злоупотребленій, которыхъ первымъ результатомъ было—преобразованіе церковнаго богослуженія въ очень худо-разыгриваемую комедію, и удаленіе отъ него огром-

нѣйшаго большинства народа. Этотъ печальный результатъ приписывали другимъ причинамъ; но я всегда былъ убѣжденъ, что способъ совершенія церковныхъ службъ имѣлъ здѣсь важное значеніе.

Еще шестнадцать лѣтъ назадъ я заявилъ, что уничтоженіе клириковъ есть истинная язва для западной церкви. Излагая тогда дисциплинарныя правила объ этомъ предметѣ первенствующей церкви, я писалъ: „нельзя ли намъ сдѣлать положеніе, чтобы толпу ризничихъ, сторожей, швейцаровъ и проч. замѣнить низшими клириками, какъ въ первенствующей церкви? Сколько молодыхъ людей, получившихъ христіанское воспитаніе въ семинаріяхъ, но по недостатку необходимыхъ средствъ не достигшихъ священства, охотно согласились бы и съ благоговѣніемъ исполняли бы низшія должности священства! Сколько избранныхъ и натурально благочестныхъ душъ были бы способны исполнять въ совершенствѣ самыя низшія должности въ дому Божіемъ! Связанные съ міромъ супружествомъ и какимъ нибудь ремесломъ, но въ тоже время соединенные съ клиромъ низшими должностями, они находились бы подъ высшимъ надзоромъ епископа и подъ постояннымъ наблюденіемъ приходскаго священника. И можетъ быть, эти смиренные клирики, не неся важныхъ обязанностей высшаго духовенства, были бы не менѣе полезными членами клира. Соборы оставили очень мало правилъ о низшихъ клирикахъ; это показываетъ, что между ними не много было злоупотребленій“ (*).

Когда я писалъ эти строки, я былъ на приходѣ и для содѣйствія мнѣ при богослуженіи избралъ лицъ самыхъ способныхъ и приличныхъ. Тѣмъ не менѣе я хорошо понималъ худыя слѣдствія введенія мірскаго элемента въ божественное служеніе и судилъ объ этомъ по огромнѣйшему большинству приходовъ, въ которыхъ злоупотребленія являлись во всемъ ихъ безобразіи. Семнадцать лѣтъ я совершалъ церковное богослуженіе, то въ своей епар-

(*) Histoire de l'Eglise de France, t. 1. p. 255—56. Paris 1847.

хіи, какъ настоятель прихода, то въ Парижѣ, какъ викарій, какъ настоятель, какъ раздаватель милостыни. Вездѣ я видѣлъ тѣже злоупотребленія и болѣе убѣждался въ мнѣніи, которое я высказалъ въ 1847 году въ первомъ изданномъ мною сочиненіи. Могу васъ увѣрить, любезный и уважаемый корреспондентъ, что уничтоженіе діаконовъ и низшихъ клириковъ было настоящимъ бичемъ для западной церкви. Я думаю, что отъ этого такія же послѣдствія были бы и въ русской церкви. Нѣтъ даже никакого и экономическаго расчета замѣнить низшихъ клириковъ мірянами, потому что послѣднимъ придется платить очень дорого, если захотятъ между ними избирать хорошихъ.

Почему бы, въ вашемъ отечествѣ, котораго судьбы такъ громадны, не употребить для первоначальнаго обученія дѣтей этихъ дьяконовъ и причетниковъ, состоящихъ въ приходахъ? Если многіе изъ нихъ не имѣютъ достаточнаго для того образованія, за то другіе и притомъ большая половина по своему образованію достаточно приготовлены къ тому. Впрочемъ во всякомъ дѣлѣ совершенства не достигаютъ вдругъ; прежде нежели достигнуть совершенства, нужно *положить осцованіе и постепенно усовершать.* Не думаете ли вы, что всѣ наши наставники, въ Франціи,—фениксы? Увы! много производятъ шума о развитіи первоначальнаго образованія у насъ, а между тѣмъ не только большая часть населенія лишена его, но многіе наставники даже должны бы сами еще сидѣть въ рядахъ школьниковъ. Я часто размышлялъ о важныхъ и полезныхъ элементахъ, которыми обладаетъ ваша цервовь, въ лицѣ дьяконовъ и причетниковъ, а также въ лицѣ женъ священно-и церковно-служителей. Этими элементами очень удобно было бы замѣнить всѣ эти конгрегаціи—образовательныя и благотворительныя, мужескія и женскія, которыя такъ распложаются на западѣ и которыя такъ ослѣпляютъ нѣкоторые поверхностные умы, или добрыя души, довольствующіяся сладкими словами и красивою внѣшностію,—но которыя, въ сущности, по большей части, полны скрытыхъ пороковъ, духовной бѣдности, корыстолюбія, и которыя вносятъ въ церковь замѣшательство.

Какое величественное зрѣлище представила бы ваша церковь съ ея учителями и учительницами, iерархически поставленными подъ высокiй надзоръ правительства и епископской власти, съ ея истинными сестрами милосердiя, разсѣянными во всѣхъ приходахъ и приносящими всѣмъ больнымъ помощь и утѣшенiе! Сколько бы нашлось вдовъ и дочерей священниковъ, воспитанныхъ въ благочестiи, которыя согласились бы служить въ гошпиталяхъ! Монахини во Францiи, происходя большею частiю изъ рабочаго класса, не имѣютъ ни воспитанiя, ни образованiя, даже религiознаго. У нихъ нѣтъ ни твердости души, которая возбуждаетъ истинно христiанское чувство, ни христiанской любви, которыя изъ него вытекаетъ. Вы, можетъ быть, судите о нашихъ монахиняхъ по нѣкоторымъ личностямъ, или на основанiи великолѣпныхъ разсказовъ, которыми такъ богаты нѣкоторыя изданiя. Люди серiозные знаютъ, чему тутъ вѣрить. Что касается меня, я могу сказать, что знаю этихъ монахинь, такъ какъ я имѣлъ постоянныя сношенiя съ различными обществами, и я утверждаю, что церковь русская въ немного лѣтъ образовала бы у себя подобныя заведенiя, гораздо высшiя всѣхъ западныхъ обществъ, если бы она воспользовалась для этой цѣли услугами женъ и дочерей священниковъ и причетниковъ.

У васъ не имѣютъ такой антипатiи къ духовенству, какая господствуетъ на западѣ. У васъ знаютъ, что духовенство есть другъ своей страны, что оно не противопоставитъ никакихъ препятствiй развитiю и прогрессу ея учрежденiй, что напротивъ оно будетъ имъ содѣйствовать. Такимъ образомъ вы можете сдѣлать то, что у насъ совершенно невозможно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ультрамонтанизмъ, съ его отсталыми и фанатическими системами, въ десять разъ сильнѣе возбудилъ въ народѣ дурное расположенiе къ духовенству. До 1789 года оно было слишкомъ богато и имѣло слишкомъ много привилегiй, чтобы не возбудить ненависти въ народѣ; а съ тѣхъ поръ оно очень глубоко затаило злобу противъ нацiональнаго движенiя, отнявшаго у него огромныя богатства, и теперь,

вслѣдствіе своей безбрачности, оно составляетъ слишкомъ замкнутую касту, чтобы оно когда нибудь могло пріобрѣсти довѣріе въ массахъ. Ваше духовенство, напротивъ, вовсе не составляетъ касты. Оно связано съ обществомъ брачнымъ союзомъ; его дѣти могутъ избирать себѣ различныя карьеры; другіе классы общества могутъ давать ему своихъ членовъ. Оно живетъ жизнію народною: его мысли, его желанія не отдѣльны отъ народа. Какое счастливое положеніе! И какихъ счастливыхъ результатовъ можно бы чрезъ него достигнуть!

Франція истратила и теперь еще тратитъ страшныя суммы, собираемыя всякими способами, чтобы получить какіе нибудь хорошіе плоды отъ своего духовенства, отъ его конгрегацій,—и ничего не получила кромѣ религіознаго индиферентизма, болѣе и болѣе распространяющагося. Съ суммами несравненно меньшими, Россія навѣрно достигла бы всѣхъ тѣхъ результатовъ, которые напрасно преслѣдуетъ Франція.

Я могъ бы вамъ, дорогой корреспондентъ, предложить тысячу подробностей о предметѣ, котораго я только слегка коснулся; но это, можетъ быть, не будетъ имѣть для васъ большаго интереса. Я исполнилъ свое обѣщаніе и, оканчивая это письмо, молю Бога, чтобы церковь русская усовершала тѣ учрежденія, которыя она уже имѣетъ, но чтобы она не измѣняла ихъ совершенно, потому что впослѣдствіи чрезъ это она потерпитъ огромный вредъ. Прогрессъ—хорошая вещь; но нѣтъ необходимости для него измѣнять то, что радикально хорошо; достаточно для этого уничтожить только дурное и воспользоваться всѣми хорошими элементами. Эти постепенныя улучшенія и составляютъ истинный прогрессъ. Я никакъ несогласенъ видѣть прогрессъ въ тѣхъ эволюціяхъ, совершенно уничтожающихъ старое, которымъ партіи подвергаютъ общества. Постепенныя улучшенія дѣлаютъ невозможными тѣ страшныя движенія, которыя всегда такъ опасны и вообще такъ гибельны.

Примите и проч. *Аббатъ Гете.*

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Къ дѣлу объ улучшеніи быта духовенства. Въ № 21 журнала „L'union chrétienne“ помѣщено слѣдующее письмо къ редактору изъ С.-Петербурга, отъ 18 февраля 1863 года:

„Относительно вполнѣ успѣшной дѣятельности высшаго присутствія, учрежденнаго для изысканія способовъ къ большему обезпеченію быта бѣлаго духовенства русской церкви, въ первое время существовало нѣкоторое недовѣріе. Оно происходило не отъ сомнѣнія (которое и невозможно) въ благихъ намѣреніяхъ членовъ этого присутствія. Многостороннее образованіе и правильный, здравый взглядъ на вещи, которымъ отличаются всѣ лица, засѣдающія въ присутствіи, начиная съ достопочтеннаго предсѣдателя, митрополита с.-петербургскаго, не оставляютъ желать ничего болѣе. Причиной сомнѣній служило высокое положеніе членовъ этого присутствія. Положеніе это столько возвышаетъ ихъ надъ предметами, подлежащими ихъ обсужденію, что можетъ служить для нихъ препятствіемъ къ близкому знакомству съ обыденными подробностями и частными нуждами бѣлаго духовенства. Правда всѣ наши архипастыри вышли изъ бѣлаго духовенства; они—дѣти священниковъ и нерѣдко бѣдныхъ сельскихъ церковно-служителей, въ юныхъ лѣтахъ собственнымъ опытомъ извѣдавшіе скудное положеніе своихъ родителей. Но теперь эта жизнь извѣстна имъ только по отдаленному воспоминанію, а воспоминаніе сохраняетъ по большей части только пріятное и смягчаетъ слишкомъ мрачныя черты прошедшаго. Потому неудивительно, если для человѣка преклонныхъ лѣтъ его дѣтство и юность представляются самымъ счастливымъ временемъ жизни. Что ка-

сается до свѣтскихъ членовъ присутствія, то жизнь священника, отличающаяся многими особенностями, для нихъ еще менѣе извѣстна. Принадлежа къ дворянству и проведши большую часть жизни въ столицѣ, имѣли ли они какую нибудь возможность познакомиться съ нуждами сельскихъ священно-и-церковно-служителей? Но жизнь этихъ скромныхъ служителей алтаря есть предметъ такого рода, о которомъ невозможно составить точнаго понятія по однимъ воспоминаніямъ, или предположеніямъ, или по наслышкѣ. Только одна заинтересованная сторона, лица городскаго и сельскаго духовенства могутъ дать точныя свѣдѣнія о своемъ настоящемъ положеніи, о своихъ нуждахъ, и указать средства и границы улучшеній, какихъ требуетъ ихъ положеніе.

Отсутствіе этого практическаго и необходимаго для высшаго присутствія элемента было причиною того, что его труды и предположенія не внушали полнаго довѣрія. Къ счастію, этотъ пробѣлъ не ускользнулъ отъ вниманія высокихъ сановниковъ, заботливости которыхъ ввѣрена судьба бѣлаго духовенства. И духовенство съ своей стороны не осталось въ бездѣйствіи. Не считая себя въ правѣ безпокоить высшее присутствіе своими совѣтами, нѣкоторыя лица санктпетербургскаго духовенства возымѣли счастливую мысль—выразить предъ Государемъ Императоромъ чувства признательности за благодѣтельную заботливость Его Величества объ ихъ положеніи. Сообразуясь съ правилами благочинія, они обратились къ своему архипастырю, митрополиту с.-петербургскому, съ съ просьбою о благословеніи и дозволеніи; высокопреосвященный митрополитъ не замедлилъ дать свое согласіе на столь благоумѣстное предположеніе. Онъ сдѣлалъ еще болѣе; онъ внушилъ санктпетербургскому духовенству мысль, — не ограничиваясь выраженіемъ благодарности предъ Его Величествомъ, присовокупить и изложеніе нуждъ бѣлаго духовенства. Вслѣдствіе этого дозволенія, въ С.-Петербургѣ образовалось собраніе изъ священниковъ и діаконовъ; оно имѣло нѣсколько засѣданій, въ которыхъ были избраны редакторы адреса Государю Импе-

ратору, была обсуждена, исправлена и одобрена редакція этого важнаго акта. Я желалъ бы сообщить вамъ его; но долженъ отказаться отъ этого намѣренія, такъ какъ, по своему положенію, я не принималъ участія въ собраніяхъ духовенства. Говорятъ, что подобныя собранія происходили и въ Москвѣ, что очень вѣроятно, такъ какъ высокій духъ высокопреосвященнаго митрополита Филарета и его твердость въ благихъ начинаніяхъ извѣстны всѣмъ.

Никто не будетъ оспаривать важнаго значенія этого факта: для нашего бѣлаго духовенства начинается, по видимому, новая эра; заботливость нашихъ архипастырей, направленная къ тому, чтобы возвысить достоинство его, возбудила общую признательность; счастливый исходъ трудовъ присутствія для улучшенія быта бѣлаго духовенства сдѣлался несомнѣннымъ, когда сіе духовенство было такимъ образомъ призвано къ доставленію необходимыхъ свѣдѣній о своемъ положеніи и своихъ желаніяхъ."—Нѣтъ нужды къ сему прибавлять, что надъ обсужденіемъ вопроса объ улучшеніи быта духовенства теперь трудится духовенство всѣхъ епархій.

— *Сочувствіе церковноприходскимъ школамъ лицъ высшаго сословія.* Намъ приходилось немало встрѣчать упрековъ церковноприходскимъ школамъ; не менѣе обвиненій пришлось на долю самихъ дѣятелей народнаго образованія—приходское духовенство. Кто же были эти порицатели нашего добровольнаго и усерднаго дѣла? Большею частію кропатели мѣлкихъ извѣстій, люди ничего не значущіе въ народѣ и ничего для него не сдѣлавшіе, а также лица, по мѣсту своего воспитанія или службы *кастически* относящіяся къ духовенству, не признающія въ немъ ни способностей, ни образованія потому только, что оно въ дѣтствѣ не носило форменнаго платья и не щеголяло мишурными петлицами,—клеймящія духовенство названіемъ касты и въ тоже время только въ себѣ и въ своихъ совоспитанникахъ и сослуживцахъ созерцающія зарю умственнаго возрожденія народнаго. Тѣмъ болѣе утѣшительно для насъ безпристрастное, исполненое сочувствія, вниманіе къ труду духовенства какъ со стороны правительства,

такъ и высоко поставленнныхъ въ обществѣ лицъ, по своему положенію и высокому образованію лучше понимающихъ, какъ благодѣтельнымъ для народа можетъ быть участіе пастырей церкви въ народномъ образованіи. Примѣръ такого вниманія къ церковно-приходскимъ школамъ кіевской епархіи показали: ея свѣтлость, вдовствующая супруга фельдмаршала, княгиня Елисавета Ксеверьевна Воронцова и свѣтлѣйшій князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ, въ отзывахъ своихъ къ высокопреосвященнѣйшему митрополиту Арсенію, въ отвѣтъ на извѣщеніе о преподанномъ имъ отъ Св. Сѵнода благословеніи за пожертвованія на образованіе церковно-приходскихъ школъ въ своихъ имѣніяхъ. Принявши благословеніе Святѣйшаго Сѵнода, какъ знакъ святительскаго воззрѣнія собора пастырей на ихъ участіе съ вѣрою въ благодатную его силу, они вмѣстѣ съ тѣмъ выразили свою безпристрастную оцѣнку трудовъ православнаго духовенства. При этомъ съ приличною своему высокому сану скромностію они отозвались, что дѣло народнаго образованія считаютъ прямою своею обязанностію, не смотря на измѣнившіяся отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ.

— *Любовь крестьянскихъ дѣтей къ грамотности*. Не малое затрудненіе школы доселѣ встрѣчали въ недостаткѣ средствъ къ пріобрѣтенію учебниковъ. Теперь, съ развитіемъ грамотности въ народѣ, любовь къ ней простирается до того, что, по донесенію наблюдателя школъ, крестьянскія дѣти с. Шибеннаго (кіевскаго уѣзда) сами себѣ пріобрѣли учебники на деньги, заработанныя ими на сахарномъ заводѣ.

— *Иконописное братство въ Москвѣ*. „Въ небольшомъ кружкѣ ученыхъ, преимущественно изъ университета, оружейной палаты и московскаго музея, при участіи нѣкоторыхъ любителей и иконописцевъ, составилась мысль о необходимости основать въ Москвѣ иконописное общество или братство. Расширяя кругъ эстетическихъ элементовъ иконописи, это общество должно служить примирительною средой между иконописцемъ и такъ-называемымъ академическимъ художникомъ. Конечно, между ними ничего

не могло быть общаго, пока инокопись механически, шла по колеѣ ремесленной, а академическое художество. воспитывая себя на образцахъ позднѣйшей западной живописи, не могло питать никакого сочувствія къ кореннымъ преданіямъ русской жизни. Но когда иконописецъ воспитаетъ въ себѣ художника, тогда безъ сомнѣнія и художникъ съ своими развитыми средствами не погнушается быть иконописцемъ. Если иконописцу предполагаемое братство дастъ средства къ эстетическому образованію, то художника оно сблизитъ съ національными преданіями иконописи. Дальнѣйшее образованіе и иконописца и художника будетъ зависѣть отъ обоюднаго вліянія ихъ практической дѣятельности, направляемой братствомъ, членами котораго будутъ и тотъ, и другой, съ такимъ же правомъ голоса, какъ члены археологіи и ученые спеціалисты. Украшеніе храмовъ иконами и другими произведеніями искусства, постоянно поддерживаемое и распространяемое значительными пожертвованіями благочестивыхъ строителей, вообще остается втуне, безъ всякаго отзыва и интереса со стороны такъ-называемой образованной публики, и безъ сомнѣнія не по равнодушію къ этому предмету, но по отсутствію или недостатку постояннаго ученаго, литературнаго или художественнаго органа, который время отъ времени поддерживалъ бы въ публикѣ интересъ къ новостямъ по церковному украшенію. Это важное дѣло должно лежать на обязанности членовъ предполагаемаго братства. Критическія обозрѣнія новыхъ подѣлокъ, составляемыя учеными спеціалистами при содѣйствіи самихъ художниковъ и иконописцевъ, будутъ руководить этимъ дѣломъ, очищая и направляя вкусъ. Такъ какъ членами братства могутъ быть и ученые, и художники, и иконописцы, и вообще любители, какъ изъ свѣтскихъ, такъ и изъ духовныхъ лицъ, то оно не можетъ стать во враждебное отношеніе ни къ наукѣ, ни къ иконописнымъ школамъ, ни къ академіи художествъ. На своей нейтральной почвѣ оно имѣетъ въ виду не вредить, а помогать общему дѣлу.“ (Пр. Об.).

— *Протоіерей Г. П. Павскій* (некрологъ). Въ ночь на 7-е апрѣля этого года, скончался, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, знаменитый русскій филологъ, протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій, на 76 году отъ рожденія. Въ 1826 г., Павскому поручено было преподаваніе закона Божія Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ царствующему Государю Императору; въ 1827 г.—Великимъ Княжнамъ Маріи и Ольгѣ Николаевнамъ, а въ 1833 г.—Великой Княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ. Эту обязанность онъ исполнялъ до 1835 г., когда уволенъ былъ, по болѣзни, и отъ должности профессора духовной академіи. Занятія Г. П. по переводу священныхъ книгъ на русскій языкъ и замѣчательные педагогическіе труды доставили ему высшую ученую степень—доктора богословія. Коммиссія духовныхъ училищъ утвердила Павскаго въ этой степени въ 1821 году. Но важнѣйшими трудами Г. П., доставившими ему громкую извѣстность въ ученомъ мірѣ, были переводъ на русскій языкъ св. книгъ Ветхаго Завѣта и занятія филологіей, плодомъ которыхъ было изданіе „Филологическихъ наблюденій надъ составомъ русскаго языка,“ вышедшихъ въ свѣтъ сначала въ 1841 и 1842 годахъ, а потомъ, вторымъ изданіемъ, въ 1850 году. Филологическіе труды Павскаго были по достоинству оцѣнены и публикой, и критикой, и нашимъ ученымъ сословіемъ. Академія наукъ увѣнчала книгу Павскаго полною демидовскою преміей; кромѣ того, при изданіи „Русскаго словаря,“ она часто обращалась къ нему за совѣтами, какъ къ знатоку языка и, наконецъ, включила его въ число своихъ членовъ. Погребеніе Г. П. Павскаго совершенно 10-го апрѣля митрополитами кіевскимъ Арсеніемъ и петербургскимъ Исидоромъ съ нѣкоторыми членами Синода и многими духовными лицами столицы.

— *По поводу письма священника радомысльскаго уѣзда о. Н. въ редакцію Православнаго обозрѣнія.* Въ Православномъ обозрѣніи (апрѣль, 1863 г.) о. Ницкевичъ, выставляя крайнія невыгоды для городскихъ священниковъ отъ выдачи имъ жалованія по полугодіямъ, заявилъ желаніе или правильнѣе сказать слезное моленіе, чтобы жа-

лованье городскимъ священникамъ выдавалось *помѣсячно*. Въ письмѣ говорится, что онъ цѣлые полгода собирался написать объ этомъ редактору Православнаго Обозрѣнія, но затруднялся по недостатку средствъ.

Нисколько не отвергая пользы желаемой о. Ницкевичемъ мѣры, считаемъ нужнымъ сказатъ, что вопросъ о мѣсячной выдачѣ жалованья или какихъ либо неудобствахъ отъ полугодичной его выдачи никѣмъ еще не былъ возбуждаемъ предъ кіевскимъ епархіальнымъ начальствомъ, и самъ о. Ницкевичъ ни словесно, ни письменно не заявлялъ его даже и во время посѣщенія г. Радомысля высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Арсеніемъ.

— *Замѣтка о басовомъ чтеніи*. Одинъ старецъ-мирянинъ въ письмѣ въ редакцію Херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, сочувствуя правильному возвышенію духовенства, говоритъ: „Весьма многіе діаконы не только сельскихъ, но и городскихъ церквей, въ будничномъ Богослуженіи, дозволяютъ себѣ такую поспѣшность и такой тонъ произношенія эктеній, что нѣтъ никакой возможности стоящему въ храмѣ богомольцу сохранить въ себѣ должное молитвенное настроеніе. Особенно, при самомъ началѣ литургіи, по возгласѣ: *благословенно царство*...., всегда произносимомъ вразумительно, тотчасъ же начинается чтеніе эктеніи такимъ безучастнымъ, машинальнымъ тономъ и до того ускорительнымъ произношеніемъ, что дьячекъ едва успѣваетъ дѣлать припѣвъ, и такимъ образомъ не внятно ни для кого содержаніе произносимаго. Къ этому весьма нерѣдко присоединяется и до крайности непріятное впечатлѣніе на предстоящихъ отъ тѣхъ дѣйствій, которыя происходятъ отъ неимѣнія при себѣ у діакона и причетниковъ носоваго платка..... Не посѣтуйте, господа діаконы и причетники, на дружескія замѣчанія и совѣтъ. Ложный стыдъ и ложно понимаемая обида здѣсь еще менѣе, чѣмъ гдѣ либо, должна имѣть мѣста.“

Херсонскія епархіальныя вѣдомости на это замѣчаютъ: „Сколько намъ извѣстно, эти недостатки не существуютъ въ здѣшней (херсонской) епархіи. У насъ, какъ во всей Россіи, замѣчается другой недостатокъ въ чтеніи

діаконовъ. Это—страсть читать басомъ, почти всегда неестественнымъ. Имѣющій отъ природы хорошій басовой голосъ часто напрягается до изнеможенія, чтобы выказать силу баса своего; но еще страннѣе, что неимѣющій такого голоса усиливается показать, что имѣетъ. Неестественность эта очень не гармонируетъ съ духомъ благоговѣйной молитвы Богу любви, мира и кротости. Басовое чтеніе у насъ считается какъ будто необходимою принадлежностію діаконскаго сана. Тотъ же діаконъ, удостоившись сана священника, измѣняетъ свой тонъ въ чтеніи на естественный свой голосъ. Такое мнѣніе о діаконскомъ чтеніи есть плодъ собственно русской религіозно-обрядовой жизни. Ни у Грековъ, у которыхъ мы заимствовали чинъ Богослуженія, ни у Католиковъ, съ которыми мы не имѣемъ въ этомъ отношеніи ничего общаго, не въ обычаѣ такое чтеніе діаконовъ. Русскій обычай не лишенъ значенія. Конечно много глубокихъ струнъ сердца молящагося затрогивается звонкимъ, мягкимъ, задушевнымъ теноромъ читающаго молитвы діакона. Но и благоговѣйное чтеніе или пѣніе сильнаго, густаго баса производитъ свое впечатлѣніе. Напримѣръ на маломъ входѣ, когда, подъ руководствомъ добраго протодіакона, начинается громкое пѣніе: *пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу*, кроткому и смиренному сердцемъ, не видите ли, какъ сила физическая благоговѣйно преклоняется предъ величіемъ силы нравственной? *Вѣчная память*, произносимая тихимъ, густымъ басомъ, также не можетъ не имѣть добраго дѣйствія. При такомъ взглядѣ на дѣло, очевидно, естественный образъ дѣйствованія діакона переходитъ въ искуство, а искуство требуетъ большой осторожности, умѣнія и вниманія къ дѣлу, чтобы ему не быть грубымъ и даже оскорбляющимъ святость мѣста и дѣйствій. Мы не намѣрены обращать вниманіе на тѣ явленія въ діаконскомъ чтеніи, въ которыхъ выражается грубая удаль, небрежность въ движеніяхъ и т. п. Эти явленія бываютъ, но выводятся изъ обычая. Мы хотимъ обратить вниманіе на то, какъ иногда самые благонамѣренные діаконы, безотчетно пользуясь силою своего голоса, искажаютъ наше

величественное, полное глубокаго смысла Богослуженіе. Вотъ примѣръ. Поютъ Херувимскую пѣснь, положимъ знаменитой композиціи Львова. Ничего величественнѣе, кажется, и быть не можетъ. Вы слышите самое искуственное сочетаніе звуковъ, но не замѣчаете этого; ваше вниманіе не подкупается ни неожиданными переходами, ни кудрявыми руладами; пѣніе идетъ плавно, какъ широкая и глубокая рѣка, по мѣстамъ звуки постепенно усиливаются и опять умаляются, подобно широкимъ волнамъ, подымающимся на поверхности глубокихъ водъ въ тихую погоду; къ концу звуки слабѣютъ и слабѣютъ, но еще движутся въ кажущемся однообразіи; вотъ въ тишинѣ звуковъ еще приподнялся голосъ альта, какъ бы для того, чтобы напомнить вамъ о важности предстоящаго большаго выхода съ св. Чашею, но и этотъ голосъ замираетъ съ всѣми другими; водворяется благоговѣйное молчаніе. Вы собрались внутрь себя; вы въ глубокомъ умиленіи, ждете, что вотъ покажется свящ. ходъ, напоминающій шествіе Господа на страданіе за грѣхи всего міра. Вдругъ раздается рѣзкій, растянувшійся, напряженный голосъ діакона, читающаго поминовенія. Какая несообразность съ предъидущимъ пѣніемъ и съ значеніемъ большаго входа! Она тѣмъ болѣе замѣтна, что по прочтеніи діакономъ своей части поминовенія, продолжается чтеніе священниковъ обыкновеннымъ, естественнымъ голосомъ.—А какой смыслъ имѣетъ чтеніе Апостола и Евангелія, начинаемое часто съ низкихъ нотъ, постепенно возвышаемое и къ концу доходящее иногда до безобразнаго крика? Не есть ли это знакъ только пустаго тщеславія голосомъ, такъ сильно неумѣстнаго въ храмѣ Божіемъ? Но неприличнѣе всего кажется намъ манера діаконовъ при произношеніи многолѣтія. Здѣсь часто самая личность діакона обращается въ зрѣлище. Народъ привыкъ уже къ этому, и, посмотрите, большинство стоящихъ поближе къ читающему обратило взоры на него. А онъ усиливается, да возвышаетъ ноты; жилы у него напряжены, кровь прилила къ лицу, голова качается; за то ему кажется, что послѣдній сильнѣйшій взрывъ голоса составитъ его торжество и славу, да и

хоръ, начавъ въ его тонъ пѣніе многолѣтія, пропоетъ громко, на славу. Но лучше бы въ храмъ Божій не вносить явленій, можетъ быть умѣстныхъ въ веселомъ собраніи, а не въ святомъ храмѣ. Замѣчательно, что такая манера чтенія многолѣтія усвоена всѣми діаконами; иной слабогрудый и безгласный собираетъ послѣднія силы свои, чтобы неотстать отъ этого обычая; и какъ жалокъ бываетъ онъ въ своемъ подражаніи сильнымъ собратіямъ своимъ! Одна и таже мысль выражается въ пѣніи маленькими пѣвчими *εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα*; но какая противоположность въ манерѣ звуковъ! Сколько нѣжной любви слышится въ этомъ пѣніи! Отъ чего же не упростить чтенія и пѣнія русскаго многолѣтія?

Кромѣ указанныхъ нами недостатковъ въ чтеніи діаконовъ напряженнымъ неестественнымъ голосомъ, есть еще и та невыгода, что силѣ и густотѣ голоса приносятся въ жертву ясность и отчетливость словопроизношенія, и кромѣ того такое чтеніе безплодно изнуряетъ читающихъ. Не будь такого чтенія, діаконы не считали бы своей службы подвигомъ.

Все, сказанное нами, ведетъ къ тому, чтобъ наши сослужители оставили всякую неестественность въ чтеніи. У кого голосъ сильный, онъ скажется и будетъ имѣть свое значеніе и безъ напряженія; у кого нѣтъ басоваго голоса, тотъ лучше пусть и не заботится о пріобрѣтеніи того, чего не дала природа. Естественное чтеніе, напрягаемое только до такой степени, чтобы быть внятнымъ и яснымъ, есть лучшее чтеніе."

Печатать дозволяется. Кіевъ. 9 іюля 1863 г. Цензоръ *Н. Щеголевъ*

Въ Университетской типографіи

хоръ, начавъ въ сего тонъ пѣніе многолѣтія, произнесть громко, на славу. Но лучше бы въ храмѣ Божіемъ не вносить явленій, можетъ быть умѣстныхъ въ веселомъ собраніи, а не въ святомъ храмѣ. Замѣчательно, что такая манера чтенія многолѣтія усвоена всѣми діаконами; иной слабогрудый и безгласный собираетъ послѣднія силы свои, чтобы не отстать отъ этого обычая; и какъ жалокъ бываетъ онъ въ своемъ подражаніи опытнымъ собратіямъ своимъ! Одна и таже мысль выражается въ пѣніи мален-кими пѣніями εἰς πολλὰ ἔτη, δέσποτα; но какая противоположность въ манерѣ дьяконовъ! Сколько нѣжной любви слышится въ этомъ пѣніи! Отъ чего же не упростить чтенія и пѣнія русскаго многолѣтія?

Кромѣ указанныхъ нами недостатковъ въ чтеніи діаконовъ напряженнымъ неестественнымъ голосомъ, есть еще и та невыгода, что сила и густота голоса приносятся въ жертву ясности и отчетливости словопроизношенія, и кромѣ того такое чтеніе безплодно напрягаетъ читающихъ. Не будь такого чтенія, діаконы не считали бы своей службы подвигомъ.

Все, сказанное нами, ведетъ къ тому, чтобъ наши сослужители оставили всякую неестественность въ чтеніи. У кого голосъ сильный, онъ скажется и будетъ имѣть свое значеніе и безъ напряженія; у кого нѣтъ басоваго голоса, тотъ лучше пусть и не заботится о пріобрѣтеніи того, чего не дала природа. Естественное чтеніе, напрягаемое только до такой степени, чтобы быть внятнымъ и яснымъ, есть лучшее чтеніе."

Печатать дозволяется. Кіевъ. 9 іюля 1863 г. Цензоръ Н. Щеголевъ.

Въ Университетской типографіи.